

do de acceso: <http://www.portalmisionero.com/formacion/MisionesJesuiticasAmerica.pdf>. – Fecha de acceso: 16.09.2018.

4. Jackson, R. San Lorenzo Martir: A Jesuit Mission in the Service of Spanish Policy [Electronic resource] / R. Jackson // Casahistoria, selected history links. – Mode of access: <http://www.casahistoria.net/jesuitamerica.htm>. – Date of access: 16.09.2018.

5. Huonder, A. Reductions of Paraguay [Recurso electrónico] / A. Huonder // The Catholic Encyclopedia. – N. Y., 1911. – 12 vol. – Modo de acceso: <http://www.newadvent.org/cathen/12688b.htm>. – Fecha de acceso: 16.09.2018.

6. Leonetti, J. E. La expulsión de los jesuitas y la política fiscal en América Hispánica [Recurso electrónico] / J. E. Leonetti // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. – Modo de acceso: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmcj3979>. – Fecha de acceso: 16.09.2018.

7. Manso, J. P. Compendio de la historia de las provincias unidas del Río de la Plata desde su descubrimiento hasta el año 1874 / J. P. Manso. – Buenos Aires, 1881.

8. Prieto Yegros, M. Bandeiras paulistas en territorios coloniales hispanos [Recurso electrónico] / M. Prieto Yegros // Portal Guaraní - Biblioteca Virtual Del Paraguay. – Modo de acceso: http://www.portalguarani.com/521_margarita_maria_prieto_yegros/17507_bandeiras_paulistas_en_territorios_coloniales_hispanos_por_margarita_prieto_yegros.html. – Fecha de acceso: 16.09.2018.

9. Wilde, G. Orden y ambigüedad en la formación territorial de Río de la Plata a fines del siglo XVIII [Recurso electrónico] / G. Wilde // La Scientific Electronic Library Online. – Modo de acceso: <http://dx.doi.org/10.1590/S0104-71832003000100005>. – Fecha de acceso: 16.09.2018.

*Н. Х. Худайбердыева, аспирант
Белорусский государственный университет*

РЕЛИГИОЗНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРКМЕНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (1991–2016 гг.)

Обретение в 1991 г. независимости открыло перед Туркменистаном новые возможности государственного развития: формирование собственного социально-экономического курса, внутренней политики, преобразований в культуре и духовной жизни, появление новых направлений внешней политики по осуществлению связей с зарубежными акторами в качестве суверенного государства. Совершенно новая страница на этапе независимости открылась перед мусульманской общиной страны, так как советское руководство в Туркменистане начиная с 1920-х гг. проводило политику жестких притеснений и даже искоренения религии из сферы духовной жизни населения.

В 1990-е гг. для всего постсоветского пространства религиозный ренессанс стал характерной чертой, и это стало возможным благодаря феномену выживания всех конфессий СССР на протяжении более чем 70 лет. Туркменистан не стал исключением. В первые годы его руководство стремилось восстановить в своих правах религиозную жизнь страны. Это было обусловлено возрождением религиозности и в более широком смысле – интереса населения страны к религии. Ростки возрождения религиозной жизни проявились уже с конца 1980-х гг. Первым зримым важным шагом в этом

направлении стало строительство мечети в Ашхабаде, возобновилось проведение коллективной пятничной молитвы [2, с. 22]. Уже к закату советской власти в стране удалось открыть 52 мечети. Ислам, приходя на смену советской идеологии, становился объединяющим фактором достижения подорванной в предшествующие годы политической стабильности Туркменистана, сплочения народа. Стремясь доказать важность религии в государственной жизни страны и подать пример туркменскому народу, лидер страны С. Ниязов совершил паломничество к святыням в Мекке [2, с. 22].

Наиболее подходящим партнером для восстановления духовной жизни населения страны стала Турция. Однако в скором времени стало очевидно, что турецкая модель государства и существования независимой от него религии не принималась туркменским руководством, стремившимся контролировать все сферы жизни молодого государства.

Такое положение было вызвано рядом особенностей, характерных для Туркменистана, где использование религиозного фактора стало сопровождаться патернализмом со стороны государства. Во-первых, С. Ниязов смог подчинить духовенство для пропаганды своего труда «Рухмана». Данный труд туркменского президента представлял собой свод моральных норм с религиозным подтекстом. Во-вторых, режим С. Ниязова смог подчинить религию в интересах реализации собственного курса руководства страной. Все это позволило президенту не опасаться появления экстремистских сил в стране [1, с. 34].

С другой стороны, важно отметить тот факт, что распад СССР совпал с серьезными изменениями в религиозной жизни самой Турции. Начавшийся еще при правлении А. М. Кемаля процесс установления светской власти в стране перешел на новый этап развития в 1990-х гг. В годы правления Т. Озала в Турции повсеместно создавались многочисленные исламистские и пантюркистские организации, фонды и общества [5, с. 57]. Они постепенно отвоевывали у государства функции регулирования духовной жизни. Другими словами, в Турции происходил прямо противоположный Туркменистану процесс вытеснения светских норм жизни в пользу исламистов.

Большую популярность в Турции получил активный проповедник нурджизма (один из вариантов шариата в Турции в 1920–1950-е гг.) Фетхуллы Гюлен [5, с. 58]. Активизация различных направлений исламской мысли привела руководство страны к необходимости жесткого регулирования их деятельности. Как отметил российский востоковед А. Сваранц, в первой половине 1990-х гг. национальные формирования (армия, полиция и спецслужбы) регулярно отслеживали деятельность исламистов, пытаясь найти сторонников ликвидации светской власти страны либо выявлять структуры, стремящиеся к установлению в Турции режима шариата [5, с. 59].

В этих условиях организация Ф. Гюлена «Нурджулук» смогла организовать в странах Центральной Азии серьезную инфраструктуру, которая включала в себя различные средства пропаганды, в том числе телеканал и газету «Заман» («Время»), школы и курсы [6]. Туркменистан не стал исключением: в стране действовал ряд структур организации «Нурджулук».

Как отметил А. Сваранц, при поддержке Вашингтона организация Ф. Гюлена активно использовалась турецким политическим руководством для распространения умеренного ислама в Центральной Азии, а также для

формирования у народов региона протурецкой либо проевропейской ориентации. В конечном итоге для Турции это могло сыграть важную роль не столько в продвижении региональной интеграции, сколько в региональном противостоянии с Ираном [5, с. 61]. Усилия Анкары по увеличению своего контроля над энергетическими ресурсами региона вели к росту авторитета среди западных союзников, но одновременно серьезно подрывали региональную стабильность.

Несмотря на противоречивые подходы к допущению религии в государственную и общественную жизнь, Турция все же стала главным партнером Туркменистана в восстановлении религиозных процессов.

Одним из важнейших аспектов сотрудничества сторон в религиозной сфере стал вопрос финансирования мечетей. Эта помощь стала использоваться Турцией двояко: как для содействия реализации непосредственных потребностей, так и для проникновения в идеологическую сферу страны с целью укрепления собственных геополитических и экономических позиций. Так, в дар от Турции в Ашхабаде была построена мечеть на три тысячи человек в 1-м микрорайоне столицы. Для помощи в ее строительстве Турция организовала сбор средств среди своих верующих. Строительство мечети началось в январе 1993 г. и продолжалось вплоть до марта 1998 г. Мечеть получила имя в честь турецкого султана, отца Османа I – Эртогрулы Газы [2, с. 25].

Кроме строительства мечети Эртогрулы Газы, при поддержке турецкой стороны в Туркменистане были возведены в 1993–1994 гг. мечеть в Ашхабаде, вмещающая 400 верующих, высотой 14 м и с минаретом высотой 25 м.

Вторым направлением религиозного сотрудничества стран стал вопрос подготовки кадров. За годы существования атеизма в социалистической республике духовенству всех конфессий был нанесен сильный удар. Быстрый рост строительства мечетей в конце 1980–1990-х гг. выявил острую нехватку религиозных кадров. Как отметил ответственный управляющий Генеша (Совета) страны по делам религий А. Мырадов, сотни студентов были отправлены на учебу в медресе и высшие учебные заведения Турции.

Религиозное образование также находилось под контролем руководителя страны. Уже с конца 1990-х гг. в страну не попадала религиозная литература. Исключение в этом направлении было сделано для турецких религиозных школ, где, по мнению лидера С. Ниязова, литература соответствовала духу страны.

Однако усиление исламизма в духовной жизни страны вскоре вызвало опасения ее лидера. В разгар пропаганды рухманизации руководство страны объявило о закрытии всех медресе и религиозных школ в стране. С. Ниязов отметил, что для такой небольшой страны, как Туркменистан, не обязательно иметь множество религиозных школ, достаточно одной хорошей под руководством муфтията. На самом же деле лидер страны опасался внедрения в религиозную жизнь страны исламских радикалов и салафитов, которые несли угрозу режиму С. Ниязову.

В начале 2000-х гг. в Туркменистане прокатились репрессии против работников религиозной сферы, которые усилились после выявления подпольных структур исламских радикалов, работавших совместно с узбекской оппозицией. Репрессии продолжались до 2005 г., когда в стране была за-

крыта последняя религиозная школа – Факультет теологии Туркменского государственного университета, где работали преподаватели из Турции. Они были высланы на родину [3].

Тесное сотрудничество Турции и Туркменистана в религиозной сфере ожидаемо вызывало напряженность в турецко-иранских отношениях. Ведь Иран, как и Турция, делал ставки на религиозную составляющую, стремясь ее использовать в качестве фактора сближения с Ашхабадом в постсоветский период.

Новое значение в религиозной сфере туркмено-турецкого сотрудничества приобрели связи после прихода в Туркменистане к власти в 2006 г. нового руководства во главе с Г. Бердымухамедовым [6].

Надежды на изменение характера двусторонних отношений в религиозной сфере были обусловлены тем, что в годы руководства С. Ниязова над религиозной жизнью страны осуществлялся тотальный контроль: религиозные деятели и работники этой сферы нередко подвергались репрессиям, книга С. Ниязова «Рухмана» внедрялась не только в общественную жизнь, но и в религиозно-проповедническую сферу [4].

Религиозное туркмено-турецкое сотрудничество приобрело совершенно новое значение в контексте событий арабской весны, после которых туркменские власти усилили контроль над всеми религиозными ячейками и их участниками, в том числе и над теми, которые отбывают наказание в тюрьмах [3].

Таким образом, на современном этапе сотрудничество Турции и Туркменистана в религиозной сфере нашло русло выработанных годами форм и стабилизировалось, но продолжает носить ограниченный характер. Это обусловлено общими тенденциями – опасением роста религиозного радикализма, а также стремлением Турции распространить свое влияние в регионе Центральной Азии при использовании таких идеологий, как кемализм, османизм, пантюркизм. По этим причинам руководство Туркменистана ограничивает направления, формы и динамику религиозного сотрудничества стран. На сегодняшний день основным механизмом взаимодействия стран остается подготовка турецкой стороной религиозных специалистов для Туркменистана.

Список использованных источников

1. Будкин, В. Государство и религия на постсоветском пространстве / В. Будкин // Кавказ и глобализация. – 2007. – Т. 1 (5). – С. 25–46.
2. Демидов, С. М. Постсоветский Туркменистан / С. М. Демидов. – М., 2002.
3. Ислам в постсоветской Туркмении вышел из-под контроля / Хроника Туркменистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hronikatm.com/2014/03/islam-v-postsovetskoy-turkmenii-vyishel-iz-pod-kontrolya/>. – Дата доступа: 22.01.2019.
4. Месамед, В. И. Факторы напряженности в ирано-туркменских отношениях / В. И. Месамед // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=11909>. – Дата доступа: 22.01.2019.
5. Сваранц, А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе / А. Сваранц. – М., 2002.

6. Свистунова, И. А. К вопросу об отношениях Турции с Туркменистаном / И. А. Свистунова // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12761>. – Дата доступа: 22.01.2019.

*В. В. Шадурский, студент
Белорусский государственный университет*

БЕЛАРУСЬ – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (1991–2018)

Актуальность белорусско-британских политических и экономических отношений на современном этапе не вызывает сомнения. Для Беларуси Великобритания является одним из крупнейших инвесторов и торговых партнеров. Активный диалог между странами ведется как в политической, так и в культурной сфере.

Несмотря на ряд существенных противоречий, общую динамику двусторонних отношений можно оценить как положительную. Чтобы достичь этого результата, Минску и Лондону пришлось пройти длинный путь, в ходе которого стороны постепенно стремились преодолевать разногласия и учились слушать и слышать аргументы друг друга.

Историю развития белорусско-британских отношений можно разделить на три условных этапа, каждый из которых характеризуется рядом особенностей.

Первый период белорусско-британских отношений (декабрь 1991 – сентябрь 1997 г.) берет свое начало после обретения Беларусью государственной независимости. Великобритания стала одной из первых стран, официально признавших суверенитет Беларуси и установивших с ней дипломатические отношения. Так, 31 декабря 1991 г. британский премьер-министр Д. Мейджор в своем официальном письме подтвердил британское признание Республики Беларусь и выразил надежду на скорое установление дипломатических отношений между двумя странами. Официальные отношения были установлены 27 января 1992 г. в связи с положительной реакцией правительства Республики Беларусь на британское предложение об установлении дипломатических отношений на уровне послов [4]. Во время визита белорусского министра иностранных дел П. Кравченко в Лондон 12 октября 1993 г. была принята совместная декларация Республики Беларусь и Великобритании, в которой формулировался ряд общих для двух стран подходов. Так, в первом пункте декларации подчеркивалась значимость перехода от конфронтации к сотрудничеству в Европе. В последующих пунктах стороны обязались проводить консультации по вопросам, представляющим двусторонний интерес, а также поощрять развитие прямых контактов, как между гражданами, так и между организациями двух стран. Декларация была подписана в англоязычном и белорусскоязычном вариантах [5, с.139].

Определенное беспокойство британцев вызвал референдум мая 1995 г., по результатам которого Президент Беларуси получил право досрочно распускать парламент. Действия Главы государства, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией, получили народ-